

Генетический метод О.М. Фрейденберг в исследовании культуры

В статье разбирается генетический метод, использовавшийся О.М. Фрейденберг, но практически не описанный в работах, опубликованных при ее жизни. В статье раскрываются основные понятия, определяющие генетический метод, такие как «генетическое тождество», «факт», «фактор», «генетический анализ» и др., дана характеристика вклада других исследователей в становление генетического метода О.М. Фрейденберг, разобраны исследовательские процедуры, составляющие основу генетического метода, описана возможность использования метода для исследования зон культурного отчуждения и пограничья.

Ключевые слова: генетический метод, О.М. Фрейденберг, генетическое тождество, факт, фактор, генетический анализ.

Становление культуры в качестве объекта изучения приводит к пересмотру имевшихся методов, подходов, стратегий исследования в гуманитаристике. Особое значение для такого пересмотра имели научные изыскания в области языка, значение, которое было оценено много позже написания и публикации этих изысканий, да и оценено ли в полной мере? Безусловно, важную роль в отечественной методологической ревизии наук о культуре сыграли пионерские исследования Ольги Михайловны Фрейденберг.

Ольга Михайловна не претендовала на то, чтобы совершить революцию, но прекрасно понимала значение тех исследований, которые ею были написаны. Забытая на несколько десятилетий, она снова вспыхнула яркой звездой в 1970–1980-е годы, когда образ наук о культуре с собственной терминологической и методологической

© Троицкий С.А., 2017

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта РГНФ № 16-03-00442 «Терминологический аппарат и методология исследования зон культурного отчуждения».

базой уже сложился, вспыхнула и стала источником «новых» исследовательских стратегий. То, к чему были не готовы большинство коллег-филологов в 1920-е, когда защита диссертации вылилась «в настоящий скандал – коллеги или просто не услышали теоретической заостренности поставленных Фрейденберг проблем, или отказались их обсуждать, ссылаясь на чуждость ее построений “классическому” историко-филологическому методу, зато бурно реагировали на страстную, “неакадемичную” полемичность диссертантки»¹, – стало настоящим открытием через 50 лет. Правда, снова не для всех! Справедливости ради нужно отметить, что и тогда, в 1920–1930-е годы, инерционно настроенной профессуре противостояли другие ученые, заслужившие авторитет благодаря революционности научных взглядов, – Николай Яковлевич Марр, Израиль Григорьевич Франк-Каменецкий, которые и поддержали Ольгу Михайловну.

Будучи самобытными и яркими исследователями, имея определенные общие установки², они тем не менее имели заметные теоретические различия³, хотя некоторые современные исследователи этих различий и не замечают⁴. «Начиная с 20-х годов О.М. Фрейденберг была в России главным сторонником генетического метода. В небольшой группе ученых, входивших в руководимый Марром сектор палеонтологической семантики мифа и фольклора, только Фрейденберг и Франк-Каменецкий определяли свой подход к семантике и морфологии культуры как “генетический”, все другие сотрудники держались традиционной марровской терминологии»⁵. Однако в прижизненных публикациях нет описания самого метода, хотя он используется, даже присутствует упоминание генетического основания, генетических связей, генетического тождества. Вместе с тем в неопубликованных при жизни Фрейденберг текстах встречается достаточно полное изложение основ ее метода. Так, в работах «Вступление к греческому роману» (1922) и «Система литературного сюжета» (1925) она описывает процедуры, характерные для генетического метода. Обе работы извлечены из архива О.М. Фрейденберг и опубликованы исследователями через несколько десятилетий после смерти автора. Вероятно, ею самой несобственные методологические разработки не были достаточно оценены, отчасти из-за того заметного пиетета, который испытывала Ольга Михайловна перед фигурой Н.Я. Марра в начале ее карьеры как ученого, от его влияния она постепенно освобождается только к 1930–1940-м годам. А если учесть ту роль, которую сыграл Н.Я. Марр в защите магистерской диссертации Ольги Михайловны, ничего удивительного нет в том, что он был для нее безус-

ловным авторитетом. О приоритетном и авторитетном положении Николая Яковлевича свидетельствует, например, тот факт, что при публикации статьи «Сюжетная семантика Одиссеи» (1922) в сборнике «Язык и литература» в 1929 г. в сноске О.М. Фрейденберг указывает на интуитивное совпадение своих взглядов и взглядов Н.Я. Марра еще до знакомства с его работами⁶.

Нужно сразу отметить, что, поскольку никакого описания терминологического аппарата у О.М. Фрейденберг нет, наша реконструкция будет носить характер полемический. Несмотря на то что в ее работах термины еще несколько «плывут», контекстуально можно выявить точки постоянного значения. Кроме того, у одного и того же термина в разных работах, даже разного времени, значение сохраняется почти неизменным, поэтому можно утверждать, что наше построение достаточно близко к тому, что понимала сама исследовательница под генетическим методом.

Генеалогия генетического метода

Название метода О.М. Фрейденберг вовсе не является уникальным для литературоведения, истории или этнографии, генетизм был достаточно распространен. Биологические метафоры в гуманитаристике начала XX в. были делом обычным. Под влиянием позитивизма гуманитарное знание было вынуждено переосмыслить направление своего развития, терминологический аппарат и образ описываемого им мира, мира, по необходимости подобного тому, как он представлялся позитивными науками. В этом смысле неудивительно, что исследовательские стратегии О.М. Фрейденберг совпадают с аналогичными стратегиями в психологии или социологии, а процедуры по формальным признакам похожи на психоаналитические или феноменологические.

Говоря о генетическом методе, Ольга Михайловна выделяет трех авторов, которые концептуально если и не стали «прародителями» генетического метода О.М. Фрейденберг, то, по крайней мере, сыграли важную роль в его формировании и формулировании.

Свойственным ей образным языком О.М. Фрейденберг специально подчеркивает вклад в становление метода А.Н. Веселовского, особенно обращая внимание на «интерес Веселовского как теоретика литературы к вопросам этнологии и фольклора, интерес, обогнавший наше литературоведение с его упорным игнорированием генетических вопросов и ведущих к ним отделов знания. Это внимание Веселовского к генетике литературных форм и то, что он

без генезиса не решается ставить проблему теоретической поэтики, необходимо занести в протокол истории»⁷. И дальше, после ряда критических замечаний в адрес Александра Николаевича, добавляет: «После Веселовского нельзя спрашивать, зачем литературоведению генезис? Это значит спрашивать, зачем литературоведению исторический метод? Такой взгляд – наследие старой эстетики. И однако же генетическое изучение литературы, несмотря на преклонение перед Веселовским, встречает и посейчас наибольшее сопротивление, считаясь чем-то ненужным и навязанным литературе со стороны»⁸.

Естественно, вторым, кому был посвящен комплиментарный пассаж в «Поэтике сюжета и жанра», был Н.Я. Марр:

Марр открыл нам глаза на первостепенную роль генетических проблем, о каком бы отделе идеологии ни шла речь; он обозначил конкретные пути исторического развития мировоззрения, из которого выросла и литература, и показал, что семантика имеет свою морфологию. Учение {34} Марра о стадильности, учение динамическое, историческое, разбившее монолитность буржуазной “доистории”, имеет такое же прямое отношение к происхождению литературы, как и к происхождению языка. Всякое различие Марр объяснял как стадильное изменение первоначальной диффузности, а тождество он представлял в виде диффузного состояния, которое возможно только на самой первой стадии языка. Решающее значение имеет для литературоведения и отрицание Марром заимствований и миграций; он показал, что никто ничего извне не берет, но получает традиционный материал из наследия предыдущих стадий своего собственного развития. Таким образом, для литературоведения Марр дает синтез всех достижений западной эмпирической науки и марксистской исторической методологии, он предпринимает необходимость в вопросах теории и истории литературы ставить генетическую проблему, разрешать ее палеонтологически, увязывать происхождение литературы с происхождением мировоззрения и изучать мифологию и фольклор в стадильно-историческом разрезе⁹.

Надо заметить, что во «Введении в теорию античного фольклора» О.М. Фрейденберг все-таки описывает различия в позиции Марра и в своей собственной:

У Марра и у меня факты одни и те же, но их теоретическое обоснование различно. У Марра – линейный переход языковых значений по производственной функции нарекаемого предмета. У меня – отрицание того, что первобытное сознание могло понимать производственную

функцию: предмет нарекался метафорически, без всякого отношения к его реальной функции в производстве. Вполне сходясь с Марром в практических результатах его лингвистического анализа, я хотела бы подчеркнуть, что вижу здесь не “переход значений по функции”, а принципиальный, общий закон для всей системы семантизации, который показывает, что каждое значение имеет иную, особую форму существования, совершенно непохожую на данную, и что эти различные состояния переходят друг в друга, живут в скрытом виде или появляются, теряя свой смысл¹⁰.

О противоположности функционального подхода и генетического исследования говорит в работе 1932 г.¹¹ Генетический метод позволяет выявить внутреннее содержание, описать трансформацию мотива от актуализации к деактуализации смысла, к вытеснению в силу определенных причин из поля актуального культуры, к формированию зоны культурного отчуждения¹².

Третьим оказался Франк-Каменецкий:

Ряд ценных теоретических работ дает за это время и И.Г. Франк-Каменецкий. К началу 30-х годов изучение генезиса поэтического творчества приводит его к мысли о том, что процесс развития поэзии генетически связан с процессом развития мышления и мировоззрения, – отсюда необходимость изучения поэзии в увязке с историей сознания, отсюда интерес к истории развития образного мышления, без которого нельзя вскрыть параллелизм “между данными лингвистической семантики и теми сочетаниями представлений, которые лежат в основе мифологии и поэтического творчества” [*Франк-Каменецкий И.Г.* К вопросу о развитии поэтической метафоры // Советское языкознание. Т. 1. Л., 1935. С. 98]. В сборнике “Тристан и Иольда” И.Г. Франк-Каменецкому принадлежит, кроме руководства всей работой и статьи по материалу, большая заключительная статья высокого принципиального значения, в которой впервые намечается стадийный путь истории сюжета, параллельно истории языка, от генезиса в нерасчлененном мирозерцании доклассового общества и вплоть до литературного формирования в обществе феодальном. К этому времени внимание И.Г. Франк-Каменецкого направляется на то, чтобы наметить путь развития идеологий и, в частности, переход от мифологии к литературе, что уже требует выявления специфических черт одной в отличие от другой. В двух работах 1935 г. И.Г. Франк-Каменецкий ставит именно в такой плоскости проблему сюжета и проблему метафоры [*Франк-Каменецкий И.Г.* К вопросу о развитии поэтической метафоры. С. 93; Он же. Разлука как метафора смерти в мифе и в поэзии // Известия Академии наук

СССР. 7 сер. ООН. Л., 1935. № 2. С. 153], причем в последней намечает “тот поворот, который ведет от мифа к реалистической поэзии вместо использования человеческого образа для олицетворения явлений природы, последние, в их мифологическом восприятии, становятся средством поэтического воспроизведения людских характеров и отношений” [Франк-Каменецкий И.Г. К вопросу о развитии поэтической метафоры // Советское языкознание. Т. 1. Л., 1935. С. 144]¹³.

Действительно генетический метод сформировался до О.М. Фрейденберг, однако ее вклад оказался, на наш взгляд, решающим, хотя ее толкование литературной генетики¹⁴ как способа изучения генезиса несколько отличается от толкования других представителей генетизма. Точное замечание относительно методологической позиции О.М. Фрейденберг делает при публикации текста «Басни» (части «Гесиода...») в примечании Н.В. Брагинская: «Свои права в конце XIX в. заявили и полигенетическая теория, или теория самозарождения (Жозеф Бедье), и генетическая, в наше время выходящая далеко за пределы индоевропейского родства (Ю. Берёзкин и его школа). Фрейденберг совпадает формально скорее с полигенетизмом, но не из-за пристального внимания к *couleur locale*. Ее задачей было выявление общности законов мифологического сознания, которые в локальном культурном оформлении передают те же или сходные мифологические образы. Вопросы заимствования или генетического родства находятся на другом уровне исследования, более близком к конкретике явлений»¹⁵. Вместе с тем сам метод, генетический метод, и процедуры, которые применяются при генетическом анализе, описаны в разных работах достаточно четко. Правда, эти описания приходится восстанавливать по разным работам, но элементы, составляющие сам метод, терминологически воспроизводятся в разных работах практически в неизменном виде, что свидетельствует о точном понимании самой процедуры.

Исторический характер генетического метода

Для того чтобы очертить границы метода, выделить его отличия, О.М. Фрейденберг противопоставляет генетический метод другим. Так, критикуя Веселовского, она пишет, что «его историзм *еще* пропитан плоским эволюционным позитивизмом, его “формы” и “содержания”, два антагонизирующих начала, монолитно-противоположны друг другу, его *сравнительный метод безнадежно статичен* (курсив наш. – С. Т.), несмотря на то что сюжеты и образы у

него “бродят”... Проблемы семантики Веселовский совсем не ставит, и в этом он особенно нам чужд; его интересует общая механика литературного процесса в целом, но не движущие причины этой механики; у него нет ни социальной обусловленности, ни изучения мышления, ни интереса к раскрытию смыслового содержания литературного факта»¹⁶. Относительно других методов «Фрейденберг считала, что историко-социологические и формалистские подходы неприменимы к самому материалу ее исследований – коллективному, классово неформленному мировоззрению и дологическому мышлению»¹⁷. «Формальный метод работает над составом и его источниками, – пишет Ольга Михайловна в работе «Вступление к греческому роману», – выделяя основу происхождения; метод эволюционный изучает формацию памятника»¹⁸. В другом месте относительно эволюционного метода добавляет: «Эволюционный метод изучает формацию факта. Генетический – природу фактора»¹⁹. Изначально занимаясь происхождением древнегреческой литературы, исследовательница выбрала в качестве объекта изучения явление, не имеющее прямого предшественника, т. е. возникшего, как может показаться, из ниоткуда, а это значит, что эволюционно продвинуться к истокам просто невозможно – предшествующая стадия отсутствует. Отсюда и отрицание, хоть и не гласное, но фактическое, марксистского подхода. По Фрейденберг, в качестве глубинной причины-основы выступает совокупность факторов, по преимуществу случайно сложившихся в нечто целое, породившее культурное явление и культуру в целом, ведь «процессы обладают известной механикой только в том случае, когда имеется сумма нужных условий»²⁰. Формационный подход она отвергает, так как тот ничего не проясняет.

В этом смысле можно привести аналогию с биологией. Изучение кораллов может быть выстроено по принципу эволюционному, но тогда мы получим описание нескольких физических слов-причин, отвечающее на вопрос о последовательности событий, последовательности слоев, уровней. В то время как исследование, построенное по принципу генетического метода Фрейденберг, позволит нам ответить на вопрос «почему?»: в силу каких факторов-причин коралл имеет именно такие очертания именно в том месте, где он возник, а не где-то еще и т. д. Выявленные факторы в отношении отдельных кораллов, позволяют выявить общность факторов, которая дает возможность определить принадлежность к классу явлений. В этом смысле формальное следование эволюционному подходу, в отличие от генетического, никаким образом не приближает исследователя к знанию о коралловых полипах как

причине появления кораллов. О.М. Фрейденберг пишет: «Отдельные единицы, “микры”, складываются в совокупное целое только тогда, когда обособлена их отличительность и определена их однородность, – иначе когда уже существует дифференцированное происхождение. Атомы составляют тело, клетки – организм, тоны – гамму, мотивы – сюжет etc. на общей качественной основе, которая и есть основа происхождения. Соединение – процесс вторичный»²¹.

Развивая свою мысль о недостатках формального и эволюционного методов, Фрейденберг пишет во «Вступлении к греческому роману»: «Они правы в своей задаче; но если инвентарь состава понимается как соединение внутренних элементов, если источниками объясняют органические предшества, если творческое возникновение приурочивают к происхождению основы, наконец, если формацию памятника выдают за аналитико-синтетический процесс литературного явления, – тогда мы должны сказать, что историко-формальный метод принимает желанья свои за свои средства. ...вывод: мотивы произвольны, а мифы ненадежны, и в культе устойчив один обряд, но не его сказание. Вынося свои несправедливые диагнозы, историко-формальный метод прибегает, в то же время, к работе над составом и источниками, часто доходя до исторической основы как до литературного ядра»²². Заметим, что достаточно сложно однозначно утверждать, каких формалистов исследовательница имеет в виду. Возможно, под формальным методом здесь она понимает описание эволюции форм. Также разделяется она и с историко-сравнительным методом XIX в., выступая против попытки Эрвина Роде объяснить происхождение греческого романа через предположение о соединении эротического элемента (вышедшего из любовной поэзии), географического описания (связанного с путешествиями утопической литературы) и риторических приемов (берущих свое начало из риторики периода второй софистики – II–III вв.). «Против такого подхода и выступает Фрейденберг. Она считает, что новый жанр не создается с помощью «механического соединения» разных частей»²³.

Несмотря на критику исторических методов, исторический характер генетического метода не ставится под сомнение. «Отказ от генезиса в вопросах поэтики был и будет отказом от исторического анализа явлений», – заявляет Фрейденберг в «Поэтике сюжета и жанра»²⁴. В отличие от всех других методов, генетический метод основан на постулате о том, что существует «связь времени и пространства с заполняющим их содержанием и тождество части – целому, единичного – общему, вещи – свойству. Эта общая структура мифического мышления тождественна первично-языковому созна-

нию, и связь их настолько генетична, что языковые представления и звуковые комплексы рождаются одновременно с мифическим образом. Язык и миф, следовательно, параллельны, и общая, рождающая их стихия есть первобытное сознание»²⁵. В другом месте она добавляет: «...происхождение античной литературы не может быть понято без уяснения природы античного фольклора во всех создававших его условиях. Итак, три различные области, связанные единой задачей: материал – мифология, позиция – фольклор, проблема – литература. Единство задач объясняется особой природой античного фольклора, который скомпонован мифологией, но весь обращен вперед, к литературе... Я считаю, что нельзя изучить античную литературу, не изучив конструктивного вклада в нее тех идеологий, в лоне которых она родилась... Античная литература – литература особого типа, обязанная своим возникновением не преемственности из предшествующей однотипной идеологии, а переключению идеологических функций, переходу идеологических форм, перевозникновению качеств и их основных принципов внутри совершенно различных идеологий, каковы, скажем, религия и литература». Чтобы понять проблему античной литературы, «нужно уловить особенности близости античного фольклора и античной религии»²⁶. Поэтические формы действовали как поэтические (осуществляли поэтическую функцию) только в рамках прагматики, в которой они возникали, хотя образность в античной литературе имела давнюю историю. Поэтические образы, поэтические формы, которые сейчас определяют эстетическое своеобразие античной литературы, применялись совсем не с целью получения эстетического удовольствия, поэтому невозможно говорить о законченности античной художественной системы. Вместе с тем то плотное «содержание» каждого образа и всей системы образов, обусловленное их религиозным применением, культурным контекстом в архаике, и сделало античную поэзию поэзией. Свойство античной поэзии использовать архаические связи между образами, пусть и на уровне автоматического воспроизводства аллюзий, способность обращаться к глубинным слоям культурной памяти о событиях, обычаях, персоналиях называется генетичностью²⁷, или генетической природой²⁸. Благодаря этому свойству и античная трагедия, и античная поэзия используют весь накопленный, уплотненный в культурной памяти опыт обращения с называемым объектом, воплощают его в образе, но все аллюзии к культурному прошлому образа оказываются его современным содержанием, внутренним неотъемлемым составом, что и позволило героическому содержанию трагедии от описательности, эпичности, нацеленности на прошедшее перейти к новой функции – этической,

быть образцом для будущего поступка. Именно эта функция отделяет трагедию от предшествующего эпоса²⁹.

Генетичность (генетическая природа) позволяет нам, исследователям, не разрушая эстетической или этической ценности античных произведений, использовать метод, дающий возможность «оживить» уже ушедшие вместе с культурным контекстом аллюзии (связи между объектами, образами), а тем самым усилить своеобразие и ценность произведений. «Зная происхождение сюжета, – пишет О.М. Фрейденберг, – можно по законам гомологии заранее предугадать терминологию будущих мотивных интерпретаций, позднейшие этиологии характеристик, тенденций, ситуаций etc., хотя бы самый генезис сюжета был в его наличном виде утаен и ничем не обнаруживал бы своего присутствия. Обратное, можно так же вскрыть генезис сюжета, зная его последние формы»³⁰.

Генетическое вскрытие

В отличие от других методов, работающих с фактами, генетический метод имеет дело с факторами. «Накопление свойств общности давало теперь пассивную способность становиться фактом; именно сюжетная схема – бывший потенциал – обещала свою творческую покорность. Напротив, накопление особенностей, личного начала, черт отличия и неповторяемости, всего того, что являлось раньше вторичным, – теперь переходит в активную роль фактора»³¹. Таким фактором может быть и первобытное сознание³² (во «Введении в теорию античного фольклора»), и фольклор³³ (в работе «Образ и понятие»), и художественность³⁴ («Образ и понятие»); фактор оказывает влияние, но сам в явлении присутствует «в снятом виде» (Гегель). Фактором можно назвать любое явление, любой объект, любой образ, задающий многообразное содержание фактического. В этом смысле факт относится к происхождению некоего объекта, к археологии, а значит, к его истории, а фактор – это то, что обеспечивает объект дополнительными или основными смыслами, которые и являются содержанием, а потому фактор относится к генезису. Для того чтобы определить факторы, «прорваться» к пониманию, представлению объекта, необходим генетический метод, который дает возможность разобрать содержание на факторы, восстановив объемность.

Что же он из себя представляет?

Наиболее полное описание дано во «Введении в греческий роман»: «Есть два пути в изучении литературного памятника: анализ

историко-творческого процесса, т. е. самого памятника, и анализ литературного самодовлеющего явления, вошедшего в данный памятник. Сюда относятся вопросы жанров и происхождений, вопросы всех органических процессов внутри самого литературного явления. Дисциплина, направившая сюда свое наблюдение, может быть сравнена с анатомией, которая изучает явления общности и неподвижного постоянства. *Метод ее – генетический, идущий от поверхности явления вглубь, обнажающий слой за слоем, пока не доходит он до неизменно и спокойно пребывающего соотношения между фактором и данным явлением*³⁵ (курсив наш. – С. Т.). В «Поэтике сюжета и жанра» О.М. Фрейденберг описывает эту процедуру как «генетическое вскрывание и реконструирование»: «Умиравший ежегодно царь не есть исключительный образ сатурналий: это основной образ первобытного общества во всем его быту. Смерть царя как метафора его временного рабства и временной скованности есть обычная интерпретация этого образа. Сатурналии интересны только тем, что дают действенную и образную систему тому комплексу представлений, который зачастую приходится *генетически вскрывать и реконструировать* (курсив наш. – С. Т.)»³⁶. В работе «Вступление к греческому роману» О.М. Фрейденберг поясняет: «Так действует анатом, устанавливая общий скелет для целого класса одушевленного мира, так действует ботаник, собирая разнообразные растения, физик и химик – многоликие вещества в их общих свойствах. *Ибо параллели при генетическом методе – путь к единству* (курсив наш. – С. Т.)»³⁷. Такая процедура вскрытия может быть «вертикальной», направлена вглубь, когда есть некое генеалогическое (временное, например) неравенство, а может быть «горизонтальной», когда мы имеем дело, например, с однородным материалом. Пример такого горизонтального генетического вскрытия О.М. Фрейденберг приводит при описании семантики еды, декларируя «равенство образов “еды”, “производительного акта” и “смерти-воскресения”, сливающихся друг с другом и переходящих друг в друга; отсюда их генетическое равноправие, их невозводимость одного к другому; но отсюда и сложность научной терминологии, которая ошибается всякий раз, как хочет уточнить и назвать их значимость»³⁸.

Процедура вскрытия и реконструирования возможна благодаря наличию между явлением и фактором генетических отношений, каковыми являются:

- генетические связи, описанные в работах «Проблема греческого фольклорного языка»³⁹, «Басня»⁴⁰, «Образ и понятие»⁴¹;
- генетическая зависимость, описанная в работе «Проблема греческого фольклорного языка»⁴².

Генетическое тождество

Говоря об историчности генетического метода, мы вряд ли можем утверждать, что он имеет дело с развитием. Более того, речь идет о динамике, но лишенной пространственного и временного измерения. Историзм на изучаемые объекты, явления набрасывает исследователь, приписывая им разделенность, которая возможна при тождестве. Тождественными могут быть только разные объекты, генетический метод искусственно разъединяет их, но фиксирует их слитность и генетическую связь между собой.

«Гносеологическая предпосылка античной переносности, – пишет О.М. Фрейденберг в “Образе и понятии”, – имеет одну особенность, которая специфицирует все античные переносные смыслы: под античным перенесением обязательно должно лежать *былое генетическое тождество* (курсив наш. – С. Т.) двух семантик – семантики того предмета, с которого “переносятся” черты, и семантики другого предмета, на который они переносятся. Это былое тождество уже носит понятийный характер лишь кажущегося, иллюзорного тождества (скрытое уподобление). В этом формально продолжающемся тождестве образа и понятия, познавательного различия, и заложена вся принципиальная особенность и отличие античной метафоры. Иллюзия кажущегося смысла должна была исходить из соответствия действительному смыслу и быть его “слепком”, “подобием”»⁴³. И в этом смысле *«генетические пути мифа продолжаются и противоречат функциональным»* (курсив наш. – С. Т.); вопреки историческому настоящему, с ним внутренне увязывается прошлое; и одна метафора заменяется тождественной другой, вместо ‘брака’ выдвигая ‘смерть’. Отныне все такого рода сюжеты заканчиваются мезью отвергнутой женщины, и всегда эта мезь носит характер смерти. Конечно, в условиях монашества сюжет видоизменяется, оставаясь в той же стадии; здесь героем должен быть отшельник, героиней такая женщина, которая свободно может попасть в пустынь – не упрянтая в дом замужняя женщина, а блудница»⁴⁴.

Исследуя Илиаду, Фрейденберг описывает отождествление героев Илиады и зверей генетически. «Не нужно говорить о том, что уподобляемые зверям и животным герои Илиады некогда сами имели зооморфную природу и сами отождествлялись с этими зверьми. В этом отношении звериные сравнения более архаичны, чем герои Илиады, принявшие человековидную форму и характер. Однако не только в фазе генетической, но и в функциональной – герои Илиады продолжают отождествляться со зверьми. Диомед, нападающий ночью на фракийцев, сравнивается со львом, который

“на стадо бесстражное коз или агниц / Ночью набредши и гибель замысля, бросается быстрый”»⁴⁵.

Вся «Поэтика сюжета и жанра» построена на описании генетического тождества древней комедии с трагедией в форме ее пародии⁴⁶, инвективных и любовных песен⁴⁷, дифирамбов и элегий⁴⁸ и т. п. Говоря о тождестве, О.М. Фрейденберг имеет в виду, вероятнее всего, в какой-то момент развития содержательное единство, распавшееся на две или более формы, развивавшиеся потом самостоятельно, но сохранявшие в качестве фактора, в качестве содержательного элемента и память об исходном единстве, и память о противопоставлении. Оба эти фактора делают сложные отношения между явлениями еще более сложными, непредсказуемыми и создающими условия для того, чтобы конкретные воплощения явления функционально могли быть либо противопоставлены в процессе развития в культуре, либо родственны с другим воплощением. Последнее случается реже, чем противопоставление. Правда, именно культурное противопоставление, как и родство, свидетельствует о наличии генетического тождества. Об отсутствии такового можно говорить только в том случае, когда нет никакого отношения между явлениями. Однако Фрейденберг об этом не упоминает, но можем ли мы в одной культуре найти однопорядковые явления, которые не находились бы в каких-либо отношениях? Вероятно, нет. Тогда можем ли мы говорить о тождестве всех явлений со всеми? Тоже нет, налицо только генетическое тождество, поскольку в процессе культурного развития каждое из них постепенно отделяется от других. Генетический метод позволяет находить генетическое тождество у двух-трех близких явлений, описывать их отношения, не сводя их друг к другу, но отмечая их семантическую нераздельность, поскольку различия могут рассматриваться как стадийные изменения, т. е. они интересны для истории культуры, но не интересны для культурной генетики. Для обозначения «генетического тождества» О.М. Фрейденберг также использовала определение «генетическая общность» (в работах «Въезд в Иерусалим на осле»⁴⁹, «Образ и понятие»⁵⁰), на наш взгляд более общее, а потому менее удачное.

Генетический смысл

Описанные генетическое вскрытие и реконструкция, безусловно, являются результатом интеллектуальных построений исследователя, которые не могут быть ограничены глубиной веков, количеством вскрываемых слоев, задача состоит не в этом. Самое главное – поиск контекстуальных связей между явлениями не только

в «горизонтальной» перспективе (в современности), но и в «вертикальной» (установление факторности). Однако поскольку речь идет об интеллектуальной реконструкции, мы вынуждены придавать факторам характер смыслов. Термин «генетический смысл» у О.М. Фрейденберг используется в разных работах, причем везде речь идет о факторах или явлениях, с которыми генетически связано другое явление, относящееся к этому термину, как верхний культурный слой к нижнему, но не в качестве простого наслоения, а в надежде найти (избегаю слова «причина») идеологическое основание быть этим высоким слоем по отношению к более низкому. Отсюда и другое название генетического метода, употребленное, правда, лишь однажды в работе «Что такое эсхатология?», – генетическая семантика. «Объективный характер возникновения самого факта понятий из социальной действительности и самого морального поведения людей из общественной практики ~~не подлежит сомнению~~ [в опубликованном тексте восстановлен зачеркнутый О.М. Фрейденберг фрагмент. – С. Т.] несомненно. ~~Речь идет лишь о том, что понятие рождается.~~ Но рождается понятие в образе, и на первых этапах своего становления абстрагирует значение образа. Вот почему без изучения генетической ~~образной~~ семантики образа нельзя уразуметь ни одного античного понятия. Любое значение понятий и идей в античности еще глубоко связано с конкретным значением до-понятийных»⁵¹. Термин «генетическая семантика» связан напрямую с «генетическим смыслом», но возникает в тексте статьи, по всей видимости, случайно, судя по пометкам в рукописи, и носит контекстуальный, локальный характер. Учитывая, что термин «генетическая семантика» по частотности употребления в текстах значительно уступает термину «генетический метод», можно предположить, что именно второй термин устраивал исследовательницу больше, возможно по причине того, что метод всегда содержит в себе характер технологии, а также может быть использован для описания различных феноменов культуры, т. е. он не замкнут сам на себя, в отличие от семантики. Термин «метод» может описывать только средство, но не цель, что не так очевидно при употреблении термина «семантика». Т. е. при употреблении выражения «генетическая семантика» пришлось бы всегда оговаривать ее методологический характер. Как бы то ни было, термин «генетическая семантика» более точно соотносится с содержанием процедур генетического метода, в частности его соотнесение с генетическим смыслом.

Под «генетическим смыслом» О.М. Фрейденберг понимает изначальное содержание феномена, которое в процессе развития

и исторических трансформаций менялось вплоть до противоположности, но благодаря генетическому методу может быть восстановлено, при этом без ущерба для новых значений «Генетический смысл» как элемент иного способа миропонимания, зафиксированный в языковых «метках», при вскрытии «генетической структуры» позволяет описать этот иной способ миропонимания. Такими «метками» являются тропы, сложившиеся не для поэтичности, а для передачи прямого значения, но воспринятые литературой как инструменты после отмирания исходных связей между объектами, упоминаемыми в тропе, т. е. после вытеснения «генетических смыслов». Метафоричность мифа, например, делает его замкнутым на самого себя и несводимым к простому повествованию, но метафоры возникают как фиксация отношений субъекта и объекта, а также субъектов между собой. Постепенно «образное мышление теряет свой первоначальный генетический смысл, непосредственно вырвавшийся из производственных процессов. До этого вне производства не было языка, как не было и отрешенного мышления. Понятие входило в представление, но это еще не было абстрактное или формально-логическое понятие; в процессе развития производства или производственных отношений, сначала стали выделяться представления (до этого комплексные), а с ними потом нарождаться и понятия»⁵². Тезис относительно непосредственной связи языка и производства развивается безусловно в русле русского марксистского языкознания и, в частности, в рамках теории Марра. Однако если под производством понимать здесь функциональные отношения между субъектом и объектом, связанные с преобразованием объекта, то мысль Фрейденберг оказывается более чем актуальной, несмотря на то, что выражена она языком материалистической науки, сейчас не употребляемым.

Замкнутый на себя мифологический способ миропонимания, описывая прямые отношения, создает тропы, которые становятся таковыми только при извлечении из замкнутости мифа, и тогда меняется контекст, а при сохранении формы теряется содержание. Миф при разрыве с генетическим смыслом приобретает поэтическую образность⁵³ или начинает сводиться к повествовательной функции⁵⁴. Хороший пример приводит О.М. Фрейденберг в статье 1941 г.: «Заря 'розовоперстая' или 'белоконная', потому что лучи солнца – это 'пальцы' или 'кони', блестящие, розовые, белые; и 'белый жеребенок' и 'розоватый палец' одинаково означают юное солнце, зарю. Фольклорное мышление, отрешенное от мифизма, придает этим же определениям-повторениям новое обобщенное

значение, лишенное какой бы то ни было мифологичности, и ‘кони белые’ и ‘руки белые’, ‘лебедь белая’, ‘розовоперстая заря’ получают функцию поэтических эпитетов. Между существительным и прилагательным уже произошел смысловой разрыв, и это позволяет дать прилагательному новое значение, многократное и соотнесенное с реальными вещами: всякий конь белый, всякая заря розовоперстая, – а ведь до того белым конем и зарей с розовыми пальцами были единичные, конкретные, локальные солнца, причем солнце в виде коня или пальца нисколько не соответствовало действительности. В греческом поэтическом языке эти эпитеты уже настолько освобождены от *генетического смысла*, что описывают новые объекты, – например, у Софокла ‘белоконная дорога’ означает ристалище»⁵⁵ (курсив наш. – С. Т.).

Генетическая основа

Работа «Образ и понятие» имеет целью применить генетический метод не к локальному явлению, а к основе всей европейской философии и науки – к понятию. На протяжении всей работы О.М. Фрейденберг показывает генетические связи понятийности и образности, а также производит генетическую реконструкцию понятий, связывая их с образами, предшествующими абстрактным понятиям. Как понятийность соответствует философскому и научному мировосприятию, так образность соответствует мифологическому. Для решения поставленных перед исследованием задач «генетический смысл» трансформируется в «генетическую основу», выстраивая временной ряд (смысл не соотносится с временной последовательностью) и, самое главное, содержательно усиливая значение и ценность термина (значение основы всегда выше того, что на ней нарастает). Причем в «Образе и понятии» термин «генетическая основа» употребляется автором исключительно по отношению к трагедии и в связи со зрительным мимом (агоном)⁵⁶. В то же время для обозначения многоуровневости смысловых напластований за время существования трагедии в той же работе О.М. Фрейденберг употребляет, правда всего один раз, несвойственный ей термин «генетическая структура», хотя речь идет там тоже о «генетической основе трагедии»⁵⁷, связи ее с агоном, погребальным обрядом, ритуальной смертью.

Надо отметить, что термин «генетическая основа» не является новым для О.М. Фрейденберг в «Образе и понятии», он переходит из ранних сочинений («Система литературного сюжета»⁵⁸ и «Всту-

пление к греческому роману»⁵⁹), где «генетическая основа» описана достаточно подробно:

«Все, сколько бы их ни было, явления данного круга – от перехода из фактора в факт и из факта снова в фактор – определяются только основой происхождения. ...Общее происхождение определяет различия между однородными явлениями как правильные соотношения между основой и ее состояниями. Фактор и факт одного и того же цикла тождественны. Факт – это основа происхождения, закономерно изменяющая свои состояния в новых особенностях. Какими бы многоликими ни были различия факта по отношению к одному фактору, все они однородны друг с другом и комплекс их – с генетической основой. ...Действенность есть результат свойств. Таким свойством, которое выделяет, распределяет и удерживает элементы данного явления так, а не иначе, является свойство генетической основы»⁶⁰.

Итак, генетический метод позволяет не только реконструировать какой-то конкретный уровень культурной этимологии явления, но также восстановить культурный контекст и, самое главное, выявить исходные факторы, которые послужили причиной явления. Благодаря связи языка и содержания (тождество формы и содержания), генетический метод позволяет описать культурный контекст. Во многом генетический метод совпадает с археологией по Фуко или генеалогией по Ницше своей устремленностью к истокам, хотя генетический метод направлен больше на выявление того, каким образом различные, а зачастую и противоположные явления в определенный момент развития разошлись, сняв свою тождественность друг другу. Благодаря генетическому методу исследователю доступны самые глубинные культурные слои, где архаический мифологический способ понимания мира (космоса) существует по-прежнему, но в снятом виде, т. е. в зоне культурного отчуждения, поле неосознаваемой культурной памяти, в памяти тела культуры, если, конечно, язык, представления, установки могут быть расценены как органы культуры. Применение генетического метода к явлениям культуры оказывается возможным в силу свойства культуры, в отличие от почвы, сохранять все культурные слои в виде конкретных элементов доступными для активного пользования. В этом смысле полевой археолог вынужден, для того чтобы добраться до следующего культурного слоя, разрушить предыдущий, а культурный археолог с помощью генетического метода способен прорваться к самым первым, нижним слоям, не нарушая предыдущие. Однако в этом и преимущество, и недостаток для ис-

следователя, потому что реальных четких слоев никаким образом в культуре выделить невозможно. Есть вероятность принять элементы более поздние за более ранние, и наоборот, или вообще перемешать элементы из разных «слоев». Несмотря на это, генетический метод позволяет все-таки классифицировать элементы, выявив генетическую основу, генетическое тождество с другими элементами, а также генетические отношения с третьими.

Исследовательские стратегии О.М. Фрейденберг работают, причем одинаково успешно для различного рода тем и проблем. Так, выявляя генетическую основу в земледельческом культе плодородия, Фрейденберг исследует любовную тематику в греческой литературе⁶¹; находя генетический источник в ритуальной демонстрации мира мертвых – изучает творчество Лукиана на предмет сценичности мимов⁶²; евангельский мотив въезда на осле раскрывает через архаический культ осла, и «сколько церковь ни затушевывала этого в редактировании евангельских текстов, все же генетическая природа культа вырвалась наружу с бурной силой в обход евангелиям в самом христианском обряде»⁶³. Все, казалось бы, мелочи становятся существенны: имена, поступки, смежные герои и т. п. Все они выстраиваются в целое, которое и есть цель всей исследовательской процедуры, целое, имеющее не три измерения, а пять (время – четвертое, генетическое – пятое), где генезис не связан со временем и последовательностью этапов, а является отдельной категорией трансформаций представлений.

Генетический метод, оставаясь в рамках исследовательской практики, позволяет реактуализировать вытесненный исходный смысл явления, но реактуализация эта не претендует на замену всех уже сложившихся смыслов и вытеснение их, наоборот, стремится к упрочнению всех этих смыслов, показывая, как и под воздействием каких факторов выкристаллизовались эти более поздние смыслы, т. е. позволяет смутные аллюзии и коннотации сделать осмысленными, поддающимися анализу.

Примечания

¹ Костенко (Глазырина) Н.Ю. Проблемы публикации мемуарного и эпистолярного наследия ученых: по материалам личного архива проф. О.М. Фрейденберг. [Электронный ресурс] URL: <http://freidenberg.ru/Issledovanija/Diplom/Glava1/1a> (дата обращения: 15.04.2016 г.).

Это описание защиты, сделанное, вероятно, не без преувеличения, основано на дневниковой записи самой Фрейденберг.

- ² «Стоило поставить смысловую задачу и применить генетический метод, чтобы попасть в русло палеонтологической семантики» (*Фрейденберг О.М.* Сюжетная семантика Одиссеи // Язык и литература. 1929. № 4: Гомер и Яфетическая теория. С. 59).
- ³ Об этом см.: *Perlina N. Olga Freidenberg's Works and Days.* Bloomington, Indiana: Slavica, 2002. P. 69–131, а также комментарии Н.В. Брагинской к воспоминаниям О. Фрейденберг о Н.Я. Марре (Восток – Запад: Исследования. Переводы. Публикации). М., 1988. С. 184–198; Воспоминания, 198–204: примечания.
- ⁴ *Алпатов В.М.* История одного мифа: Марр и марризм. М: Наука, 1991; Он же. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М.: Языки современной культуры, 2005; и др.
- ⁵ *Перлина Н.М.* Еще раз о том, как по ходу работы над книгой о Рабле Михаил Бахтин читал «Поэтику сюжета и жанра» Ольги Фрейденберг // Хронотоп и окрестности: Юбилейный сборник в честь Николая Панькова = Chronotope and Environs: Festschrift for Nikolay Pan'kov / Под ред. Б.В. Орехова. Уфа: Вагант, 2011. С. 212.
- ⁶ *Фрейденберг О.М.* Сюжетная семантика Одиссеи. С. 59.
- ⁷ *Фрейденберг О.М.* Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. С. 18.
- ⁸ Там же. С. 21.
- ⁹ Там же. С. 24.
- ¹⁰ *Фрейденберг О.М.* Введение в теорию античного фольклора // Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М.: Восточная литература, 1998. С. 58.
- ¹¹ *Фрейденберг О.М.* Миф об Иосифе Прекрасном // Язык и литература. 1932. № 8. С. 137–158.
- ¹² «...Создается сюжет о замужней женщине, которая склоняет своего пасынка, а то и деверя (или раба!) к «преступной» любви. Но общественная мораль требует назидания; она не намерена потворствовать тому, что выходит за пределы ее условных норм, и тех как раз, на которых строится семья. Поэтому женщина терпит неудачу, а вслед за ней и кару. Из сюжета изгоняется мотив любовного соединения и заменяется клеветой, т. е. тем же любовным соединением, но переданным из действительности в потенцию; теперь женщина рассказывает о том, чего не было, как о том, что, якобы, было, и этот описательный рассказ – единственный остаток действительно происходившего в древности акта. ...одна метафора заменяется тождественной другой, вместо 'брака' выдвигая 'смерть'. Отныне все такого рода сюжеты заканчиваются мезью отвергнутой женщины, и всегда эта мезь носит характер смерти» (*Фрейденберг О.М.* Миф об Иосифе Прекрасном. С. 157).
- ¹³ *Фрейденберг О.М.* Поэтика сюжета и жанра. С. 24.
- ¹⁴ О.М. Фрейденберг использует термин «генетика» в этом значении, например в «Поэтике сюжета и жанра»: «Названия античных драм – важное подспорье в вопросах их социальной генетики» (Там же. С. 149–150).
- ¹⁵ *Фрейденберг О.М.* Басня (Брагинская Н.В., примеч. 75) // Синий диван. 2008. Вып. 10–11. С. 151–152.

- ¹⁶ *Фрейдберг О.М.* Поэтика сюжета и жанра. С. 20.
- ¹⁷ *Перлина Н.М.* Указ. соч. С. 218. Примеч. 28.
- ¹⁸ *Фрейдберг О.М.* Вступление к греческому роману // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1995. № 4. С. 82.
- ¹⁹ *Фрейдберг О.М.* Система литературного сюжета // Монтаж. Литература. Искусство. Театр. Кино. М.: Наука, 1988. С. 216.
- ²⁰ Там же. С. 219.
- ²¹ Там же.
- ²² *Фрейдберг О.М.* Вступление к греческому роману. С. 82–83.
- ²³ *Протопопова И.А.* «Греческий роман» в хронотопе двадцатых: (к публикации работы О.М. Фрейдберг «Вступление к греческому роману») // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1995. № 4. С. 129–130. Примеч. 37.
- ²⁴ *Фрейдберг О.М.* Поэтика сюжета и жанра. С. 12.
- ²⁵ Там же. С. 32.
- ²⁶ *Фрейдберг О.М.* Введение в теорию античного фольклора. С. 9, 13.
- ²⁷ *Фрейдберг О.М.* Образ и понятие // *Фрейдберг О.М.* Миф и литература древности. С. 234.
- ²⁸ Там же. С. 511, 558.
- ²⁹ Там же. С. 558.
- ³⁰ *Фрейдберг О.М.* Система литературного сюжета. С. 224.
- ³¹ Там же. С. 235. О соотношении факта и фактора у Фрейдберг см.: Брагинская Н.В. О работе О.М. Фрейдберг «Система литературного сюжета» // Тыняновский сборник: Вторые Тыняновские чтения. Рига, 1986. С. 272–283.
- ³² «Необходимо помнить, что тотемизм есть не самостоятельное, а вторичное явление, непосредственный результат нерасчленного и конкретного мышления. На него нельзя ссылаться как на последний генетический фактор (курсив наш. – С. Т.). В свою очередь, многое из того, что считалось специфически свойственным тотемизму, должно быть определено как неизбежное вторичное явление, обязанное подлинному генетическому фактору (курсив наш. – С. Т.) – первобытному сознанию» (*Фрейдберг О.М.* Введение в теорию античного фольклора. С. 31).
- ³³ «Все генетические пути (курсив наш. – С. Т.) трагедии ведут в фольклор» (*Фрейдберг О.М.* Образ и понятие // Фрейдберг О.М. Миф и литература древности. С. 523).
- ³⁴ «Греческой трагедии, чтоб сформироваться, нужно было и все то, что составляло ее генетическую природу (курсив наш. – С. Т.), и новый фактор, который придал бы ей своеобразие, – я имею в виду ее художественность» (Там же. С. 559).
- ³⁵ *Фрейдберг О.М.* Вступление к греческому роману. С. 84–85.
- ³⁶ *Фрейдберг О.М.* Поэтика сюжета и жанра. С. 82.
- ³⁷ *Фрейдберг О.М.* Вступление к греческому роману. С. 85.
- ³⁸ *Фрейдберг О.М.* Поэтика сюжета и жанра. С. 67.
- ³⁹ «Сюда же идет знаменитая “фигура” ступенчатости (климакс), которая показывает, что поэтические тропы, как и все элементы поэзии, находятся в прямой гене-

тической зависимости (курсив наш. – С. Т.) от конструктивных форм создавшего их мышления, а следовательно, в генетической увязке (курсив наш. – С. Т.) и с фольклорным синтаксисом» (Фрейденберг О.М. Проблема греческого фольклорного языка // Ученые записки ЛГУ. Серия филологических наук. Л., 1941. Вып. 7, № 63. С. 52).

⁴⁰ «Любопытно в этом отношении вступление Бабрия к басням, где он, не отдавая себе отчета в генетических связях (курсив наш. – С. Т.) басни и утопии, шутит таким образом: “Первое поколение, о дитя Бракх, было из праведных людей, которое называют золотым... А третье после него было создано медное, после которого, говорят, произошло божественное поколение героев; пятое же – начало железного поколения и худший род. При золотом поколении и все остальные животные имели членораздельный голос и наслаждались разговорами; их ораторские места (агора) находились посреди лесов. Разговаривала и скала, и листва сосны, разговаривало море, Бракх, с кораблем и с пловцом; воробьи водили в понятных формах знакомство с земледельцем; все вырастало из земли без всякой просьбы, и дружба господствовала между богами и людьми. Узнай же, что все это так было, и научись от мудрого старца Эзопа, который рассказывал нам басни своей свободной музы...”» (Фрейденберг О.М. Басня // Синий диван. С. 150).

⁴¹ «Генетические связи (курсив наш. – С. Т.) рассказа с далекими уходами и взиранием на причудливые “чудеса”, с дивованием, дали себя знать в том, что древнейшие наррации говорили о хождениях в несуществующие заморские земли к фантастическим обитателям. Чудеса “потусторонней” страны, “подземной земли” (χθων), обращались в рассказы о далеко лежащих и о необыкновенных странах, об утопических царствах, о небывалых полях и садах, расположенных в “нигде”. Таковы повествования древней логографии; в них нет времени, действие в них не развивается. Но таковы повествования и в эпосе, таковы разновидности утопических повествований в форме нарратий-миражей» (Фрейденберг О.М. Образ и понятие. С. 278).

⁴² См. примеч. 39.

⁴³ Фрейденберг О.М. Образ и понятие. С. 234.

⁴⁴ Фрейденберг О.М. Миф об Иосифе Прекрасном. С. 157.

⁴⁵ Фрейденберг О.М. Происхождение эпического сравнения: на материале Илиады // Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. Секция филол. наук. Л., 1946. С. 102.

⁴⁶ «И если древняя комедия сохраняет генетическое тождество (курсив наш. – С. Т.) с трагедией в форме ее пародии, то и сатира, пародируя эпос, обнаруживает в этом виде следы своей былой с ним увязки» (Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. С. 288).

⁴⁷ «...Инвективные и любовные песни генетически тождественны (курсив наш. – С. Т.); созданные в едином процессе мировоззрения, они получили общие черты, одна могла сделаться другой и делалась или не делалась ею в зависимости от конкретных условий ее приложения. Мы видим, как одно и то же шествие за-

канчивается бранной или хвалебной песнью, как община идет из дома в дом, и запевала то хлестко высмеивает хозяина или гетеру, то славословит их (колядка-серенада). Любопытно при этом, что бранные песни комоса происходили ночью и пробуждали от сна, подобно любовным серенадам. Античная же колядка называлась “иресиной”, по имени ветки лавра или маслины, увитой шерстью и плодами, шествие с иресиной кончалось тем, что ее привешивали к дверям храма или дома. Итак, ставший жанровым “общим местом” венок, который вешает влюбленный комаст на {119} дверь возлюбленной, – это предшественник самого возлюбленного, стоящего у двери или повесившегося на этих дверях, это метафора плодородия, продолжающая стадийно оформлять образ исчезновения-появления солнца, смерти и воскресения растительности в метафоре “двери”» (Там же. С. 118).

⁴⁸ См.: Там же. С. 115–116.

⁴⁹ *Фрейденберг О.М.* Везд в Иерусалим на осле (из евангельской мифологии) // *Фрейденберг О.М.* Миф и литература древности. С. 647–648.

⁵⁰ *Фрейденберг О.М.* Образ и понятие. С. 533–534.

⁵¹ *Фрейденберг О.М.* Что такое эсхатология? / Публ. Ю.М. Лотмана // Труды по знаковым системам. Тарту, 1973. № 6. С. 514 (Ученые записки Тартуского государственного университета; вып. 308)

⁵² *Фрейденберг О.М.* Проблема греческого фольклорного языка. С. 67.

⁵³ *Фрейденберг О.М.* Введение в теорию античного фольклора. С. 62.

⁵⁴ Там же. С. 158.

⁵⁵ *Фрейденберг О.М.* Проблема греческого фольклорного языка. С. 68. Можно также посмотреть реконструкцию генетического смысла связи религии и коммерческой практики в описании опистодома-банка-преисподней и казны-клада-умершего (*Фрейденберг О.М.* Введение в теорию античного фольклора. С. 197).

⁵⁶ *Фрейденберг О.М.* Образ и понятие. С. 509, 516.

⁵⁷ Там же. С. 539–540.

⁵⁸ *Фрейденберг О.М.* Система литературного сюжета. С. 216–236.

⁵⁹ *Фрейденберг О.М.* Вступление к греческому роману. С. 81, 85.

⁶⁰ *Фрейденберг О.М.* Система литературного сюжета. С. 218–219 (С. 216–236).

⁶¹ *Фрейденберг О.М.* Поэтика сюжета и жанра. С. 119.

⁶² *Фрейденберг О.М.* Образ и понятие. С. 310.

⁶³ *Фрейденберг О.М.* Везд в Иерусалим на осле (из евангельской мифологии). С. 654. К слову, с мотивом осла О.М. Фрейденберг сталкивалась в своем другом раннем (студенческом) исследовании о пародии при описании праздника осла (см.: *Фрейденберг О.М.* Идея пародии: набросок к работе // Вече: альманах русской философии и культуры. СПб., 2006. Вып. 17. С. 230–231], правда, вероятнее всего, обе статьи являлись переработанными вариантами студенческих выступлений одного времени и на одном семинаре (у С.А. Жебелева).